

синтагматического строения «Повести», эта группа эпизодов вовсе не была избыточной в перспективе литературного развития.⁴⁸

Таким образом, в трансформации сказки в «Повесть» выделяется не только момент обращения, смены ценностного знака, но и момент реалистической инновации. Эти процессы протекают на разных уровнях. Первый из них захватывает преимущественно основные сюжетно-смысловые центры сказки — испытания, строение которых в главных своих чертах остается неизменным; гораздо радикальнее изменяется соединительная ткань между центрами — то, что наименее устойчиво и при синхронных переходах от одного сказочного варианта к другому.

Сюжетно-смысловые центры, однако, тоже не вполне безучастны к процессу реалистических инноваций. Установка автора — убедить читателей в правдивости событий, излагаемых в «Повести», которая «зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия...» (стр. 234). Поэтому основное испытание приурочено к промежутку исторического (а не сказочно-мифологического) времени — осаде Смоленска.⁴⁹

Перед тем как принять участие в осаде, Савва проходит солдатскую службу, причем этот период его приключений по всем признакам напоминает биографию культурного героя мифов, который совершает быстрые и небывалые успехи в ходе совместного обучения в племенном коллективе: «Полковник, егда прииде видети новобранных солдат на учении, и абие видит юношу млада суща, во учении же воинском зело благочинно и урядно поступающа и ни малого порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начальников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его...» (стр. 247). Превосходство Саввы над остальными солдатами приписывается не столько его собственным заслугам, сколько помощи Беса. Налицо, следовательно, типично сказочное противопоставление активности волшебного помощника и пассивности героя.

Разведка Саввы и Беса в захваченном поляками Смоленске, во время которой они остаются невидимыми; бегство из крепости и переправа через реку, «яко по суху»;⁵⁰ неуязвимость благополучно покидающих Смоленск

⁴⁸ При обсуждении в секторе древнерусской литературы ИРЛИ той части статьи, которая посвящена «Повести о Савве», А. М. Панченко указал на следующее обстоятельство: «Загадочные перемещения могут быть легко объяснены по аналогии с рыцарским романом. Рыцарь всегда находится в хаотическом движении, либо вовсе не мотивированном, либо мотивированном чисто условно». Сходство, конечно, налицо. Тем не менее это замечание не должно наводить на мысль, что между сказкой и «Повестью» было посредующее звено. «Рыцарский роман, — утверждает Пропп, — ... есть производное сказки. Развитие здесь идет по этапам: сказка > роман > сказка. Поэтому такие произведения, как „Еруслан Лазаревич“, по конструкции представляют собой чистейшие сказки, несмотря на книжный характер отдельных элементов» (В. Я. Пропп. Трансформация волшебных сказок. — В кн.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств, IV. «Academia», Л., 1928, стр. 82—83). Обозревая литературную продукцию XVII в., можно встретить даже такие случаи, когда сказочный сюжет без каких бы то ни было серьезных видоизменений транспонируется в книжную культуру (см. «Повесть о купце»). Разумеется, книжная фиксация устного повествования еще не означает того, что мы имеем дело с новым жанровым этапом. Сверх того, нельзя забывать о реалистическом обрамлении путешествия Саввы и о том, что пространственные перемещения не являются структурообразующим каркасом «Повести», но всего лишь связка между сюжетными сегментами.

⁴⁹ Бахтин специально выделяет в романе — в качестве одного из основных его жанровых отличий — особую «зону построения литературного образа... именно зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности» (М. Бахтин. Эпос и роман. О методологии исследования романа. — «Вопросы литературы», 1970, № 1, стр. 101).

⁵⁰ Тема волшебного перехода через реку — общая для сказок и Библии. См.: С. Я. Лурье. Дом в лесу, стр. 190.